

Еще о Целине

В каждом деле таится немало частных, постороннему взгляду неприметных, но от этого не менее существенных. Целину решили распахать, и сразу возникла проблема: как ее пахать? Казалось бы, и думать нечего, прицепляй плуг к трактору и паши в свое удовольствие. Все не так просто. Ученые по-разному подходили к пахоте на целине, не соглашались друг с другом, спорили, доходили до взаимных оскорблений и, естественно, апеллировали к отцу.

Бич целинного края – весенняя засуха, да еще с ветром. В 1951 году Т. С. Мальцев, тогда еще не академик, а просто полевод колхоза «Заветы Ильича» Курганской области, предложил не переворачивать плугом пласт почвы, а только прорезать его, рыхлить, оставляя поверхность нетронутой, по научному выражаясь, «пахать без выворачивания почвы, без отвалов, на глубину заделки семян, обрабатывать почву, хотя и мелко, но культурно...» При такой вспашке в почве сохранится столь необходимая растениям влага.

Вывернутый же наружу глубинный слой почвы, не скрепленный корнями растений, быстро превращается в пыль, и несет его ветер «черной бурей», в зависимости от его силы или к соседям, или вообще на край земли. Если же землю только слегка «поцарапать» сверху, то корни растений не позволят ветру хозяйничать, верхний плодородный слой почвы с поля не стронется.

В противовес этому академик Лысенко в своей записке отцу писал, что надо «пахать глубоко, на двадцать сантиметров, хорошо переворачивая пласт».

Лысенко, Мальцев, и иже с ними полемизировали не только в научных журналах, но и в «директивных» общесоюзных газетах «Правде» и «Известиях». Каждый навязывал отцу свой «единственно правильный» метод. Каждый из них приводил весомые аргументы, каждого поддерживали сторонники, на дух не принимавшие любое, исходившее с «той стороны» слово. Отец какое-то время колебался, склонялся то к одному, то к другому мнению. С одной стороны, признанный в сельскохозяйственных кругах еще со сталинских времен «авторитет» Лысенко, с другой – не очень уж и известный в стране Мальцев. Но зато он человек местный, южно-сибирские и казахские земли знает не понаслышке.

В децентрализованной системе хозяйствования фермеры решение принимают каждый за себя, и отвечает каждый только за свое поле. Один – поверит Лысенко, другой – Мальцеву, кто-то выиграет, кто-то проиграет.

Отец же, практически один, отвечал за всю страну. Он не рискнул идти против «науки», встал на сторону Лысенко. Я могу его понять. Речь шла о поросшей травой, никогда не паханной целине. Поскребешь ее по поверхности культиватором на пару-тройку сантиметров, бросишь в месиво корней вековых трав семена, и что получится? Трава поднимется первой, задушит всходы пшеницы и останется, как до вспашки – целина целиной. Только пропахав землю на полную глубину, перевернув травяной пласт, оставив траву без света и воздуха, можно извести ее. Так всегда поступают огородники, вскапывая «целину» лопатой на собственном садовом участке. Наверное, так рассуждал и отец. Я или не слышал, или не

запомнил разговоров на эту тему, его аргументов. Другое дело, что в засушливой степи, расправившись с травой, далее следовало обрабатывать землю по Мальцеву, не плугом пахать, а рыхлить ее луцильником-культиватором неглубоко, не разрушая структуру почвы, не выворачивая на поверхность глубокий, пока еще влажный, слой земли. В засушливых казахских и сибирских степях влага – на вес золота.

С весенними засухами, с черными бурями отец намаялся на Украине, там тоже старались пахать поосторожнее. Я уже писал, как отец возмущался, когда Сталин до и сразу после войны «искоренял» буккер, по сути «Мальцевскую» мелкую вспашку на засушливых южно-украинских полях и в Поволжье.

Собственно, к «буккеру» и сводились рекомендации Мальцева. Однако в те годы в Мальцева, кроме отца, не верил практически никто. Да и отец верил в него не до конца и поддерживал Лысенко. Мальцеву же он предложил продолжить эксперименты. Уральский полевод, доказывая свою правоту, выступал на совещаниях, публиковал советы в газетах. Местные хозяйства следовали его рекомендациям, другие, там где работали люди, приехавшие из Средней России, оттуда, где влагу не экономят, предпочитали более привычный им плуг.

В засушливом 1955 году, когда под палящими лучами солнца практически вся целина выгорела, на обработанных Мальцевым полях собрали урожай, пусть плохонький, но все-таки собрали. Мальцев доказал свою правоту. И так совпало, что к своему юбилею. Отец предложил отметить шестидесятилетие Мальцева не просто орденом, а высшей наградой страны. 9 ноября 1955 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Терентию Семеновичу Мальцеву звание Героя Социалистического труда. В следующем, 1956 году, Мальцева изберут в Сельскохозяйственную академию членом-корреспондентом. Но несмотря на все регалии, реальное признание к нему придет еще не скоро. Борьба с его «псевдопахотой» продолжится и на следующий год, и через два, и через три года. Противники Мальцева объединятся, перегруппируются, снова перетянут на свою сторону отца, перейдут в наступление и, казалось бы, победят.

И только катастрофа 1963 года, тогда в очень уж засушливую весну ураганный ветер унесет далеко на север перевернутый плугом, пересушенный солнцем самый плодородный слой почвы, окончательно убедит всех в правоте Терентия Мальцева, ему вторично присвоят звание Героя, его имя занесут в энциклопедию.

Сейчас, задним числом, отца справедливо ругают за ошибки. Реже снисходительно похваливают за правильные решения. Но это все происходит после, когда все карты открыты, и мы знаем ответ. Отца же обстоятельства вынуждали становиться на сторону того или иного эксперта, не сам же он придумывал агротехнические приемы, когда ответа еще не знал никто. Он рисковал, рисковал и своей репутацией, и, что важнее, будущим урожаем. Репутация его пострадала больше урожая. Несмотря на все ошибки и засухи, зерна на целине с каждым годом собирали все больше. До сего времени кое-кто из его бывших советчиков, продолжая стародавний спор, твердит, что если бы к ним прислушались, то все прошло бы без сучка и задоринки. Слава Богу, что хотя бы решение об освоении целины, и они не считают «ошибкой».

Спорить с такими людьми бессмысленно, они правы, но всегда правы задним числом. Как правы анализирующие битвы отставные генералы: если бы они не ошиблись вот тут и там, и еще вон там, а противник действовал бы, как действовал, то они бы, без сомнения, победили.

Пока Лысенко с Мальцевым спорили, как глубоко и чем следует пахать на целине, профессор М. Г. Чижевский, директор Почвенно-агротехнической станции имени В. Р. Вильямса, рекомендовал целинникам «с самого начала внедрять паровые севообороты, многолетние травы и тем самым уберечь земли от засорения сорняками».

Казалось бы, чисто профессиональный совет, никому, кроме аграриев, не интересный. Это так и одновременно не так. Не углубляясь в детали, отмечу главное: профессор Чижевский проповедовал теорию академика Василия Робертовича Вильямса, утверждавшую, что для увеличения плодородия почвы нет необходимости во вмешательстве извне, почва самовосстанавливается, следует только правильно чередовать выращиваемые на полях растения: после урожая пшеницы или ржи оставить поле отдохнуть на сезон распаханном, но не засеянным под черным паром, а еще через год засеять его люцерной или клевером. Они наберут из воздуха питательные вещества, образуют на корнях клубеньки азота, а это – лучшее удобрение. Дальше – все сначала: рожь – черный пар – люцерна с клевером. И так из года в год. Такую смену растений на полях называли трехпольной системой земледелия, в простонародье – «трехполкой». По сути, Вильямс ничего нового не придумал, в начале XX века он позаимствовал у крестьян схему, применявшуюся последние века полтора. О минеральных удобрениях тогда еще не задумывались, навоза у большинства крестьян набиралось только для огорода, вот и приходилось выкручиваться. Постепенно система травоборота на полях усложнялась, трехполку сменила пятиполка, затем семиполка, но существо осталось прежним.

Несколько слов об академике Вильямсе. Кто он такой? Откуда взялся? Отец академика, Роберт Вильямс – инженер-путеец, в первой половине XIX века приехал в Россию из Америки. Он подрядился на стройку первой у нас Николаевской железной дороги, соединившей Петербург с Москвой. Приехал на время, а остался навсегда. Влюбился в крепостную девушку, выкупил ее у помещика, дал волю и женился на ней. Такая случилась романтическая история. От них пошел род Вильямсов-россиян. Их сын Василий пристрастился к земле, окончил в Москве Петровскую сельскохозяйственную академию, ее после революции переименовали в Тимирязевскую.

В 1901 году, через семь лет после окончания академии, Вильямс получает в заведование кафедру Общего земледелия и почвоведения. В 1920-е годы, когда начался исход ученых из России, Вильямсу предложили вернуться домой, в США. Он отказался, российская революция стала его революцией.

Главный оппонент Вильямса – Дмитрий Николаевич Прянишников, тоже академик и профессор, руководил в Тимирязевке кафедрой агрохимии, считал трехполку-травополку бесперспективной и вредной, ратовал за увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, производство минеральных удобрений. Иначе агрономия так и замрет на первобытном уровне.

Разногласия между профессором Вильямсом и профессором Прянишниковым уходят своими корнями в самый конец XIX века и с особой силой разгораются в период Столыпинской реформы крестьянской общины. Тогда, в 1906–1911 годах, не менее остро, чем в 1954-м, спорили о будущем российского земледелия, оставаться ему патриархально-травопольным или, по примеру Германии, сориентироваться на агропромышленное развитие. Прянишников опередил свое время. В начале XX века химические удобрения почитали за немецкие фантазии, а проповедовавшего их профессора Прянишникова называли оторванным от реалий жизни мечтателем. Вильямс от времени отставал, его научные взгляды принадлежали к веку прошедшему, но не противоречили так называемому здравому смыслу.

Прянишников Вильямса демонстративно игнорировал. Вильямс же вел против него настоящую войну, при любой возможности старался уколоть, унижить, язвительно поучал студентов: «На первом этаже Тимирязевки (там размещалась кафедра Вильямса) учат, как “нужно” вести сельское хозяйство, а на втором (у Прянишникова) – как “можно” это делать. А это вещи разные».

После революции, в разруху, было не до минеральных удобрений, крестьянам приходилось рассчитывать только на себя, основой их хозяйствования оставалась извечная нехитрая

трехполка. Теория Вильямса Сталину понравилась сразу. Она отвечала его курсу на ограбление крестьян, не требовала от государства дополнительных капиталовложений в сельское хозяйство, пусть колхозники выкручиваются сами, как могут.

К концу 1930-х годов Вильямс постарел, одряхлел, перемещался по коридорам Тимирязевки в инвалидной каталке, а его разногласия с Прянишниковым переросли в идеологическую вражду. Тут грянул 1937 год. Безобидную сельскохозяйственную «теорию» академика Вильямса так же, как «теорию» профессора Марра в языкознании, или «теорию» академика Лысенко Сталин возвел в идеологическую непререкаемую догму.

С травопольем отец познакомился еще до войны, я уже упоминал об этом. В засушливые годы на Украине она приносила скорее вред, чем пользу. Вильямс же оказался пострашнее Лысенко, он убедил Сталина в своей непогрешимости, и «партия навалилась всем своим авторитетом на внедрение травопольной системы. Сколько я, – пишет отец, – произнес в ее адрес хвалебных речей... А она не дала должного эффекта. Мы несли большие потери».

Профессору Прянишникову повезло, в 1937-м его не расстреляли и даже не репрессировали, он умер уже после войны. Но от науки Вильямс его отставил навсегда.

Обретя в 1953 году власть, отец решил разобраться по существу с «теорией» академика Вильямса, «нашего, советского ученого». Тем самым он поставил себя между двух огней, оказался в эпицентре спора двух научных школ. Представители обеих школ апеллировали к нему и от него ожидали вердикта, естественно, в свою пользу. «Возможно ли огульное применение травопольной системы Вильямса во всех районах нашей необъятной страны? Сомнительно», – пытается разобраться в сути отец.

Со временем тон его становится все более решительным: «Мы сориентировались на Прянишникова. Он предлагал более конкретные методы увеличения урожая. Тут и навоз, и трава, и люцерна, и клевер, но в основе лежали минеральные удобрения. Без них двигаться дальше оказалось просто невозможно».

Вступив в борьбу с травополем, отец не только восстанавливал доброе имя профессора Прянишникова, не только внедрял в сельское хозяйство достижения мировой науки середины XX века, но и преследовал сугубо прагматические цели: в трехполке «простаивает», не приносит урожая две трети сельхозземель, а в семиполке – и того больше. Если эти «отдыхающие» поля удобрить и засеять из года в год пшеницей, то сбор зерна можно увеличить в несколько раз. Именно так поступали американские фермеры. Они давно отказались от архаических севооборотов, сеяли пшеницу по пшенице, кукурузу по кукурузе и собирали хорошие урожаи.

Отец отдавал себе отчет – сразу воспользоваться американским опытом не получится. Минеральных удобрений в стране производится мало, и качество их такое, что и называть их удобрениями он стыдился. Но и дедовскими агроприемами страну не накормишь.

С профессором Чижевским отец тогда не согласился, но и травополье не отверг. В последующие годы он так и будет колебаться: то наступать на травополку, вытеснять с полей черный пар и травы, потом на время отступать и снова наступать.

Итак, как я уже писал, 22 января 1954 года отец отправил в Президиум ЦК обстоятельную, наспигованную цифрами записку о необходимости освоения целинных земель на востоке страны. После одобрения 30 января 1953 года Президиумом ЦК плана освоения целины, он взялся за его воплощение, проводил бесчисленные совещания с министрами, секретарями обкомов, следил за графиком движения поездов, везущих в Казахстан и Сибирь палатки – в них поначалу расселятся первопроходцы, трактора, солярку, консервы, муку. Все надо доставить за два-три оставшихся до посевной месяца. Надо начать распахивать целину уже этой весной, опоздать, даже на пару недель – значит потерпеть поражение, почва в степи высохнет, зерно не проклюнется, об урожае придется забыть.

За зиму пятьдесят четвертого года отец публично выступает: 24 января на совещании работников машинно-тракторных станций, 5 февраля – на совещании работников совхозов, 15 февраля – на совещании передовиков сельского хозяйства РСФСР, 22 февраля – на митинге московской молодежи, отъезжающей осваивать целину и, наконец, 24 февраля – на Пленуме ЦК КПСС, посвященном сельскому хозяйству, а конкретно – целинным и залежным землям.

Его доклады и выступления насыщены, перенасыщены цифрами, отцу нравится убеждать слушателей конкретикой. На глазах аудитории, буквально с карандашом в руках, он вычисляет прирост будущего урожая после освоения новых земель, увеличение надоев молока в результате перехода на научно-обоснованное кормление коров и тут же переходит к содержанию кормовых единиц в кукурузном силосе, овсе, сене, соломе, и так без конца. Такая детализация, углубление в проблему на неподготовленных слушателей нередко оказывали противоположный эффект. Люди сначала скучали, затем переставали слушать и в конце концов засыпали. Детализация, уместная в записках и Постановлениях Правительства, в публичных выступлениях не срабатывала. Одна-две цифры и громкий призыв воспринимались бы куда лучше. И выступать отцу следовало бы пореже. Но он стремился растолковать людям суть волновавшей его проблемы, не сомневался: поняв его, слушатели загорятся, как загорелся он сам, и тогда они вместе горы своротят.

Манера выступлений отца – не исконно российская, скорее западная, американская. Правители в России, как и в других восточных деспотиях, обязаны выступать по-царски редко и, главное, вещать не очень понятно. Как сказал Пушкин в «Борисе Годунове»: «... Не должен царский голос / На воздухе теряться по-пустому...»

Что конкретно они вещают, потом народу разъяснят толмачи-толкователи. Так выступали и писали свои рескрипты цари-самодержцы, так обращался к народу Сталин.

Отец же, по-американски «продавал» свои идеи слушателям, в деталях растолковывал все выгоды и преимущества и тем самым низводил себя с Олимпа, превращался в одного из нас. Его речи переставали слушать, переставали и читать его выступления, занимавшие первые, вторые, а порой и третьи страницы газет. Тогда появился обидный для отца анекдот: На вопрос: «Можно ли в газету завернуть слона?» – отвечали: «Да, можно, если в ней напечатано выступление Никиты Сергеевича».

В ежедневных сводках КГБ о настроениях в стране отец регулярно прочитывал анекдоты о себе, но не обижался, хотя сводки содержали не только и не столько безобидные анекдоты, но и куда более серьезный «негатив», в том числе угрозы и проклятия. С самого начала своей деятельности отец раз и навсегда распорядился славословиями его не грузить. Их он выслушивает довольно и на официальных мероприятиях. Критика же, пусть и несправедливая, приносит больше пользы.

Владимир Семичастный, возглавивший в 1962 году КГБ, вспоминал, как при сдаче дел его наставлял предшественник Шелепин: «Ты бери самые злые анонимки, где Никиту матом ругают, газетные портреты с выколотыми глазами и носи ему на доклад. Хрущев и меня просил приносить ему это добро и читать вслух».

Я, естественно, этих сводок не видел. Прочитав их отцу, Семичастный увозил все обратно на Лубянку.

Несмотря на анекдоты, отец манеру выступлений не менял и не поменяет. Он обращался не к «анекдотчикам», а своим потенциальным соратникам, последователям. Надеялся, что они извлекут из его выступлений рациональное зерно, и вместе они сделают столь нужное советскому народу дело. И по-своему отец прав.

Чтобы заставить систему работать, требуется постоянно подкачивать энергию извне. Система же, особенно бюрократическая, сопротивляется изо всех сил, стремится растечься в безбрежное болото, погасить любые идущие извне импульсы.

По складу характера отец – не оракул. Он управляющий-менеджер, но не отдельным предприятием, а всей страной. Своими речами он, в меру своих возможностей, разгонял накопившуюся за последние годы сталинского правления энтропию, выстраивал министров, секретарей обкомов в шеренгу, направлял их на активные действия, а затем подгонял, будоражил многочисленными проверками, собственными наездами то в один, то в другой регион. Но одолеть энтропию ему удавалось только на время и только в каком-то конкретном случае. Стоило отпустить вожжи, и энтропия тут как тут, все снова погружалось в трясины.

Приведу пару примеров из бесконечной череды сражений отца с энтропией. В 1953 году он на совещании работников совхозов сетует: «Посевные площади под зерновые уменьшились на 30 процентов, под техническими культурами и того более, освободившиеся земли засеяли травами на корм скоту. А в конце года заготовили кормов меньше, чем в предыдущие годы. Куда трава подевалась, неизвестно: то ли коровы ее на корню съели, то ли нерадивые хозяйственники разленились?»

С одной стороны, выходит, что без погонялки никак не обойтись. С другой, отец убеждает и себя, и других, что надо дать больше свободы крестьянам, «предоставить право самим колхозам и совхозам планировать, сколько и где сеять пшеницы, ячменя и других культур. Скажем, Госплан определяет: такие-то районы должны сдать государству столько-то пшеницы, кукурузы, льна и т. д. А где, как и сколько сеять той или иной культуры, решают на местах. Им лучше знать, где и какая культура дает наибольший урожай».

Тут отец абсолютно прав, эффективно противостоять нарастанию энтропии возможно только на уровне хозяйства, когда хозяин сам решает, какой порядок его устраивает, а какой нет. Здесь многое, если не все, зависит от установленных верхами правил взаимоотношений с низами, с хозяевами, с колхозами. Отец это понимает. Говоря об эффективности колхозного хозяйства, он сравнивает их с частными поместьями, где все решает ответ на простой вопрос: «Какие вы мне обещаете доходы с моего хозяйства?»

Ответить на этот вопрос не так просто. Централизованное всевластное государство стремится урвать себе побольше. В результате хозяин вырабатывает стратегию с оглядкой на верха, принаравливается, что из произведенного придется отдать, а что государство позволит оставить себе. Все зависит от того, насколько сбалансированы интересы верхов и низов, государства и производителя. Если они не сбалансированы, успеха добиться практически невозможно.

Вот как он вспоминает встречу с председателем колхоза в Егорьевском районе в Подмосковье в 1951 году.

«– Ну, – спрашиваю, – какая из культур наиболее выгодная для вашего колхоза?»

– Товарищ Хрущев, – отвечает председатель, – я много думал и считаю, что самая лучшая культура для нас овес.

– Почему овес, – спрашиваю, – может быть, он самый урожайный?»

– Нет, – поясняет председатель, – но это самая нетрудоемкая культура. Овес легко сеять и легко убирать».

Ответ резонный. Если все равно все отберут, то какой смысл работать?»

В самое сердце ранило отца увиденное весной 1954 года в Барабинской степи, в Сибири. Места обжитые, не целина, пшеницу там возделывали уже давно. По своей привычке отец задавал вопросы не высоким областным начальникам, а людям, непосредственно работавшим на земле. Большинство собеседников отвечало ему «как надо», но всегда находился правдолюб, рассказывавший «как есть на самом деле». Вот и тут отец уже в конце беседы вцепился в директора местного совхоза: «Что бы он сеял, если бы получил волю решать по-своему?»

- Могар,¹⁴ – недолго раздумывая, ответил директор, – взамен пшеницы могар.
- А почему могар? – спрашивает отец.
- Могар государство не отберет, – объяснил директор.

«И это говорит директор крупного совхоза, коммунист», – возмущался отец с трибуны Пленума ЦК 23 июня 1954 года.

Не знаю, как долго этот «могар» икался директору совхоза, но отец его запомнил до конца своих дней. Вот и дай после таких ответов больше свободы выбора колхозам, они мигом страну до голода доведут. Парадокс. На самом деле никакого парадокса тут нет, следует только согласовать интересы, государства и производителя, сделать так, чтобы и общество не пострадало, и крестьянин внакладе не остался. Начнешь отбирать слишком много, поневоле на могар потянет.

Собственно, поисками баланса отец и занимался все свои одиннадцать лет управления страной: то давал послабление селу, то увеличивал административный нажим, то вновь ослаблял. Только в последние пару лет он начал нащупывать правильный, как мне видится сейчас, ответ, но осуществить задуманное не успел, время его истекло.

Перечитывая стенограммы выступлений отца в 1954 году, убеждаешься, что многие из его будущих новаций произрастают из того времени.

Отец, пока еще походя, отмечает несообразности министерской вертикали: цемент для строек, запасные части к тракторам, металл поставляют заказчику не с соседних предприятий, а везут издалека, из-за тридевяти земель, так, чтобы, не дай бог, не пересечь ведомственные границы.

Другая волнующая его тема – продуктивность научных исследований. Институт сахарной свеклы расположился в Москве, где сахарную свеклу никогда не выращивали, а вот в США сельскохозяйственную науку делают прямо на фермерских полях, их агроуниверситеты строят не в Бостоне или Вашингтоне, а в штатах Канзас или Айова.

23 февраля на Пленуме ЦК отец призывает перестать руководить в общем всем.

Секретари райкомов и обкомов обязаны в деталях разбираться в хозяйственных вопросах, стать управляющими или уйти, освободить место молодым. Выводов он пока не делает. Так, зарубка на память.

На совещании передовиков сельского хозяйства РСФСР отец объясняет, что мяса, молока, масла, яиц в рационе людей не увеличить, если как следует не накормить коров, свиней и кур, а для этого надо во что бы то ни стало произвести дополнительно миллиард двести миллионов пудов (19,2 миллионов тонн), в основном, фуражного зерна. Вывод – без целины нам не обойтись.

В 1954 году целинная тема звучит повсюду: и в выступлениях перед отъезжающей молодежью, и на открывшемся 23 февраля Пленуме ЦК КПСС, целиком посвященном целине. На этом Пленуме отец похвалился: в сентябре прошлого года чуть ослабили налоговый пресс и за неполные полгода поголовье коров выросло почти на полтора миллиона голов, в том числе у частного, он особо это подчеркнул, более чем на шестьсот тысяч. Очень скоро эти шестьсот тысяч частных коров аукнутся, и еще как!

На целине работы – непочатый край, там источник нашего будущего благосостояния, убеждает отец своих слушателей, тринадцать миллионов гектаров – это только начало, в будущем можно освоить до тридцати трех миллионов гектаров.

22 февраля отец, выступая перед московскими комсомольцами, призвал их ехать осваивать целину. Молодежь восприняла его слова на ура. Формировались комсомольские бригады, целые молодежные совхозы. Не обращая внимания на слезы и причитания родителей,

¹⁴ Однолетнее травянистое растение семейства злаков, кормовая культура, выращивается в Африке, Северной Америке и Австралии; такого ухода, как пшеница, не требует, но и хозяйству мало пользы приносит.

молодые люди паковали вещи и ехали ради устройства лучшей жизни на земле в никуда, в степь. Я выбрал только несколько примеров. Интересующиеся происходившим тогда, на заре перемен, смогут найти в книгах отца еще много интересного. Вот только книги эти найти непросто, в брежневские времена их, изъяв из магазинов и библиотек, пустили под нож.

Наверное, это последний в советской истории искренний порыв. Последующие комсомольские стройки: и большая химия, и Байкало-Амурская железнодорожная магистраль постепенно превращались в бюрократическую рутину.

Молодежь рвалась к подвигу, а секретари обкомов, выслушав отца, привычно брали под козырек. Люди опытные, они поняли, что работу их оценят по количеству «освоенных» гектаров целины. В своих владениях они распашут все непаханные земли: пригодные для земледелия, полупригодные и вовсе непригодные, – главное отрапортовать об освоении, а там хоть трава, извините, пшеница, не расти.